

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(571.1/.5)''16/17''

П.С. ИГНАТКИН

**СОЦИОНИМ «ИНОЗЕМЦЫ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НАРОДАМ СИБИРИ
В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ МОСКОВСКОЙ РУСИ
(вторая половина XVI – начало XVII в.)***Новосибирский государственный университет
e-mail: ignatkin-87@mail.ru

Статья посвящена определению времени введения в оборот в сибирское делопроизводство соционима «иноземцы» для обозначения народов Сибири, а также семантике этого понятия. Делается вывод, что данный соционим русские стали применять к сибирским народам со второй половины XVI в. Он содержал смысловую нагрузку культурной инаковости сибирских этносоциумов и отражал ситуацию их неполной подчиненности русской власти.

Ключевые слова: Сибирь, Северное Приуралье, иноземцы, русско-аборигенные отношения, христианство, XVI–XVII вв.

Соционим «иноземцы» широко применялся в русском языке в XVI–XVII вв. для обозначения представителей других стран – как европейских, так и азиатских. Русские маркировали им и народы, обитавшие в Сибири. Хронология, смысловые нагрузки, территория распространения, лексические и семантические связи, а также причины появления данного соционима к настоящему времени остаются не выясненными не только по отношению к народам Сибири, но и к другим этносам.

Наиболее дискуссионен вопрос о времени появления соционима «иноземцы» по отношению к народам Сибири. Так, С.В. Соколовский [1, с. 60], Л.М. Дамешек [2, с. 257], Е.П. Ковалышкина [3, с. 50] и Е.П. Мартынова [4, с. 13] датируют введение его в оборот XVI в., причем, скорее всего, умозрительно, поскольку не подкрепляют свои соображения ссылками на источники. По мнению А.С. Зуева [5, с. 82] и А.Ю. Конева, данный соционим стал вводиться в оборот с 1620-х гг. Особо отметим, что приведенный А.Ю. Коневым царский указ тобольским воеводам 1621 г., в котором западносибирские аборигены названы «иноземцами», до сих пор являлся самым ранним документированным случаем употребления соционима «иноземцы» применительно к коренным народам Сибири, известным в историографии [6, с. 19]. М.А. Демин полагал, что соционим «иноземцы» получил распространение с 1640-х гг. [7, с. 102].

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

Что касается смысловой нагрузки данного соционима, то точки зрения исследователей во многом совпадают. Но, отмечая его полисемантическую, ученые акцентируют внимание на разных значениях. Большинство исследователей придерживаются мнения, что в данный соционим вкладывался смысл преимущественно религиозно-культурной инаковости сибирских аборигенов и их неполной политической подчиненности властям [8, с. 3; 2, с. 257; 3, с. 50; 9, с. 166, 168–169; 7, с. 102–103; 1, с. 61; 6, с. 19; 5, с. 82–85; 4, с. 13–14]. Т.А. Опарина, занимаясь изучением биографий выходцев из Западной Европы, проживавших на территории Московского государства, справедливо предложила разделить всех «иноземцев» на две категории: «внутренних», к которым относились мусульмане и язычники бывшего Казанского, Астраханского и Сибирского ханств и «внешних», которые были иммигрантами, т. е. подданными других стран. По ее мнению, соционим «иноземцы» нес в основном конфессиональную нагрузку [10, с. 5–7].

Целью данной статьи является определение времени введения в сибирское делопроизводство соционима «иноземцы» для обозначения народов Сибири, а также выяснение его семантических рамок. Важно также понять, кем и чем определялся выбор именно этого слова. Изучение и анализ происхождения документов, содержащих соционим «иноземцы», а также его значений в текстовом окружении позволит ответить на поставленные вопросы.

Один из самых первых случаев употребления слова «иноземец» в русском языке зафиксирован в Новгородской I

летописи старшего и младшего изводов под 1203 г. по отношению к иностранным купцам, находившимся в Киеве: «а что гости, иноземья всякого языка» [11, с. 45, 240]. Вплоть до XVI в. интересующий нас соционим использовался в основном в книжности Северо-Западной Руси. В дипломатических актах данное слово стало широко употребляться со второй половины XVI в. для обозначения иностранцев, прибывавших с разными целями в Московскую Русь [12, с. 128].

Наиболее ранний, выявленный нами случай употребления соционима «иноземцы» применительно к автохтонам Сибири датируется 1565 г. Он зафиксирован в грамоте митрополита московского и всея Руси Афанасия, адресованной Г. Строганову и разрешавшей его слободским игуменам и священникам самостоятельно, без дополнительного благословения от московского митрополита, обращать в православную веру аборигенное население урало-сибирского региона – татар, вогулов и югричей. Необходимые санкции для крещения аборигенов, принимавшиеся в Москве, занимали время и поэтому препятствовали более быстрому распространению среди них православия, в связи с чем для пермских вотчин Строгановых отменялись: «И нынеча – деи приходят к ним иноземци татарове, и гогуличи, и югричи некрещенные люди, и помышляют креститься в нашу православную христианскую веру, и их – деи слобочки игумены и попы, без нашего благословения, крестити их не смеют, и мне бы благословити и велети слобочким и игуменом и попом приходящих иноземцов крестити...» [13, с. 153]. Все же татары, вогулы и югричи «иноземцами» в документе обозначены три раза. Причем соционим «иноземцы» там коррелирует со словом «неверные», находящемся в инвокационной формуле грамоты. Обращает на себя внимание и то, что слово «иноземцы» было употреблено в контексте с определением «некрещенные люди». Все это позволяет утверждать, что в данном случае соционим «иноземцы» наделялся конфессиональной нагрузкой, весьма жестко связываясь с некрещеными группами населения, проживавшими в Русском государстве, и использовался для противопоставления их людям, исповедующим православие.

Второй известный нам случай обозначения представителей Сибири «иноземцами» появляется в источниках спустя почти 20 лет – в 1588 г. в челобитной Бахтаразы Мурзы Карамышева (шурина сибирского царевича Маметкула), оказавшегося в Московской Руси в 1586/87 г. Обратиться с челобитием к царю Федору Ивановичу Карамышева заставило его бедственное материальное положение, из-за чего ему приходилось «скитаться и волочиться меж двор». В челобитной он просил у царя, чтобы его пожаловали «царским денежным жалованьем и поместьем» и велели «устроить, как ты, государь жалуешь нашу братью иных нововыезжих иноземцов» [14, с. 32–33].

По мнению исследователей, Карамышев был сибирским татаринцем [15, с. 100, 250, 330]. Но, принимая во внимание тот факт, что в элиту Сибирского ханства второй половины XVI в. входили не только сибирские татары, но и выходцы из Средней Азии, нельзя исключать и несибирское происхождение Карамышева. В таком случае соционим «иноземец» мог быть применен к челобитчику не как к уроженцу Сибири, а как к представителю совсем другого региона. Однако в Московской Руси идентификация индивида осу-

ществлялась не столько по его этническому происхождению, сколько по политической принадлежности (подданству). Поэтому Карамышев, даже если и не являлся урожденным сибиряком, в Москве должен был восприниматься представителем «Сибирской земли» (татарского Сибирского юрта). К тому же в обращении к царю в самом начале челобитной он указал, что «бьет челом холоп твой государев нововыезжий сибирской Бахтураз Мурза Карамышов», а это свидетельствует в пользу того, что в документе он отнесен к «сибирцам».

Из источников неизвестно, владел ли Карамышев русским языком на момент создания челобитной. Возможно, она была записана с его слов кем-то из татар, владевших русским языком и знавших, что иностранцев русские называют «иноземцами». Если же обращение к царю диктовалось через переводчика и записывалось русским писарем (что вероятнее всего), то как раз они и могли отнести Карамышева к категории «иноземцев». Однако в любом случае челобитная Карамышева свидетельствует, что в России представителей Сибири называли «иноземцами» и в конце 1580-х гг.

Очень важно понять, кого следует понимать под «нововыезжими иноземцами», к категории которых Карамышев был отнесен в челобитной. «Выезжими», «нововыезжими» в то время считались представители других стран, прибывших на службу в Россию. С какой конкретно группой таких «иноземцев» объединен Карамышев, не совсем понятно. Но учитывая, что в ходе «сибирского взятия» знатные пленные «сибирцы» отсылались в Москву, Карамышев или составитель челобитной вполне мог под упомянутыми «иноземцами» иметь в виду как раз этих пленных, зачисляемых в русскую службу.

В челобитной соционим «иноземец» имеет смысловую связь со словом «нововыезжий». Это заставляет предполагать в его употреблении политический подтекст. Скорее всего, тем самым фиксировался факт недавнего подданства Карамышева иному государству – Сибирскому юрту. Это наблюдение над значением соционима «иноземцы», а также все другие интерпретации этого слова, имеющиеся в нашей работе, полностью согласуются с мнением указанных исследователей о его семантике.

В конце XVI в. русское правительство соционимом «иноземцы» маркировало также ненцев и, возможно, другие этносы Северного Приуралья и Северо-Западной Сибири, что следует из царской памяти 1597 г. в Приказ Большой казны. В ней сообщается, что пустозерскому воеводе В. Ухтомскому было «велено призывать самоедов и иных вер иноземцов и крестьян в православную христианскую веру» [16, с. 466]. Многие ненецкие роды ежегодно совершали перекочевки из Сибири в Европейскую Россию и в обратном направлении. Поэтому, хотя речь в документе идет о Северном Приуралье, упомянутых самоедов следует рассматривать и как жителей Сибири. Под «иных вер иноземцами» могли подразумеваться как другие роды ненцев, так и в целом все языческое население означенного региона, например манси. Обращает на себя внимание то, что соционим «иноземцы» увязан с указанием на их «иную веру». Надо учитывать и слабую подчиненность Москве в данное время народов Северного Приуралья. Очевидно, что все эти значения содержались в слове «иноземцы».

В отписке в Москву, датированной 1608/09 г., томские воеводы В. Волынский и М. Новосильцов называли «иноземца-

ми» аборигенов бассейна Средней Оби. Обвиняя своих предшественников – воевод М. Ржевского и С. Бартенева, они сообщали, что последние «государевых ясашных людей сильно емлют к собе в холопи, и кабалы на них служивые емлют, и тех иноземцев продают и тем де корыстуютца. А которые де иноземцы в Томском городе крестилися года по три и по четыре и били челом тебе государю о хлебом жалованье, и Матвей де и Семен новокрещеным запасу не дают...» [17, с. 409]. Под «томскими» иноземцами, вероятно, следует понимать томских и чатских татар, а также селькупов. Учитывая статус аборигенов данного региона как новых подданных Русского государства (их подчинение началось с основания Томска в 1604 г.) и положение некоторых из них как неофитов, можно полагать, что именно эти обстоятельства – прежде всего слабая политическая и религиозная включенность в русский социум – заставили томских воевод назвать их «иноземцами».

В 1614 г. в отписке верхотурского воеводы Б. Зюзина в Пермь «иноземцами» поименованы сылвинские остяки. С ними беспощинно торговали пермские и усольские торговые люди, которые «тех сылвинских остяков отговаривают от Верхотурского города всегда, для своей безлепичны корысти, чтобы им волно было воровски с иноземцы, приезжая на Сылву, торговати, шоломы и пансыри и доспехи и сабли иноземцом продавати» [18, с. 84]. Опасение властей, вызванное вероятностью продажи вооружения сылвинским остякам, свидетельствует о том, что последние не рассматривались как полностью лояльные. Соответственно, мы вновь видим, что слово «иноземцы» несло определенную смысловую нагрузку: оно означало неполную политическую подчиненность и неблагонадежность тех, в чей адрес употреблялось.

В документе, составленном в 1614 г. в Москве в Печатном приказе, сибирский царевич, внук Кучума – Араслан Алеевич освобождался от уплаты пошлин со своих владений из-за своего «иноземства» [19, с. 372]. Тот факт, что он классифицировался «иноземцем», опять-таки объясняется тем, что он относительно недавно стал подданным России и к тому же оставался мусульманином.

Таким образом, первые случаи употребления соционима «иноземцы» применительно к народам Сибири относятся ко второй половине XVI – началу XVII в., что серьезным образом уточняет представления, сложившиеся в историографии, о начале его появления и распространения в сибирском делопроизводстве. В указанное время данный соционим фиксируется лишь в единичных случаях. Им маркировались различные этнические группы, обитавшие в Сибири.

Отметим еще раз, что проведенный анализ смысловых связей соционима «иноземцы» заставляет полностью согласиться с выводами упомянутых выше исследователей. Этот соционим означал этнические, культурные и религиозные отличия нерусского населения от русского, а также указывал как на политическую принадлежность к другой стране, так и на недавнюю подчиненность России. Его употребление свидетельствовало о стремлении подчеркнуть политическую и религиозную дистанцию между исконным населением Московского государства, с одной стороны, и новыми подданными – с другой.

Исходя из того, что самые первые случаи номинации народов Сибири «иноземцами» зафиксированы в грамоте

митрополита Афанасия 1565 г., в челобитной Карамышева от 1588 г., а также в царской памяти 1597 г. в Приказ Большой казны, можно прийти к выводу, что соционим «иноземцы» был введен в оборот в сибирском делопроизводстве столичными иерархами Церкви и приказными служащими, позаимствовавшими его из практики наименования иностранцев, находившихся в пределах Московской Руси. Довольно быстро соционим «иноземцы» появился и в лексиконе воевод, прибывавших на службу в Сибирь из Москвы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколовский С.В. Образы «Других»: историческая топология мышления о коренных народах в России // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции: сб. ст. М., 1998. Вып. 5. С. 57–84.
2. Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 257–266.
3. Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 326 с.
4. Мартынова Е.П. Народы Северо-Западной Сибири: дефиниции и научно-политический дискурс // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 13–18.
5. Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начале XX в.: учеб. пособие. Новосибирск, 2011. 188 с.
6. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): сб. правовых актов и док. / ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень, 1999. 238 с.
7. Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. 197 с.
8. Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983. 136 с.
9. Люцидарская А.А. От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 26–30 июня 1995 г.). Новосибирск, 1995. Т. 2: Археология. Этнография. С. 165–169.
10. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1. 384 с.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полн. собр. рус. летописей. 2-е изд. М., 2000. Т. 3. 720 с.
12. Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978. 223 с.
13. Введенский А.А. Торговый дом XVI–XVII веков. Л., 1924. 182 с.
14. Лихачев Н. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб., 1894. Приложения. С. 32–34.
15. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
16. Акты исторические, собранные и изданные Археологической Комиссией. СПб., 1841. Т. 1. 596 с.
17. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. 1. 430 с.
18. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией Императорской академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссией. СПб., 1836. Т. 3. 518 с.
19. Документы Печатного двора (1613–1615 гг.). М., 1994. 479 с.

Статья поступила
в редакцию 24.04.2013